

18+

Иван Попов

Каторжанин Р. Р.

Иван Попов
Каторжанин Р. Р.

«Издательские решения»

Попов И.

Каторжанин Р. Р. / И. Попов — «Издательские решения»,

Родион Раскольников возвращается в Петербург после каторги, ночует под мостами, и в пивной знакомится с вором, который втягивает его совершить новое преступление.

© Попов И.

© Издательские решения

Содержание

Каторжанин Р. Р	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Каторжанин Р. Р.

Иван Попов

© Иван Попов, 2026

ISBN 978-5-0070-7942-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каторжанин Р. Р

Восемь лет каторги в Сибири оставили на Родионе Раскольникове неизгладимый след. Он некогда стройный и полный всего юношеского, теперь был иссушен, а взгляд потух, словно в нем погасли последние искры. Серый и дождливый Петербург встретил его не ласково. Прохожие косились, шептались за спиной, их взгляды были полны страха и отвращения. «Это тот самый Раскольников, зарубивший старую процентщицу и её сестру», — звучало из толпы. «Преступник, как они вообще его выпустили? Сторонитесь его!»

Раскольников пытался найти хоть какое-то пристанище, хоть какую-то работу. Но везде его встречали с подозрением и враждебностью. В порту, где он надеялся найти хоть какую-то подработку, матросы, узнав его, не церемонясь, отпинали и прогнали, посоветовав «воротиться в Сибирь, на каторгу».

Обессиленный и униженный, Раскольников положил свою старую шляпу на бульваре, спрятался в глубокий башлык и присел на скамейку. Прохожие, бросая на него жалостливые или презрительные взгляды, начали бросать ему монеты. Собрав жалкую горсть медяков, он побрёл в ближайшую пивную, надеясь хоть на мгновение забыться в хмельном забвении.

В тусклом свете керосиновой лампы, среди запаха кислого пива и табачного дыма, он устроился в углу. Вдруг кто-то окликнул его:

— Раскольников, тот самый?

Раскольников поднял голову. Перед ним стоял мужчина средних лет, с усталым, но пронизательным взглядом.

— А ты кто? — хрипло спросил Раскольников.

— Жандарм Фёдоров в отставке, — ответил мужчина, присаживаясь напротив.

— Значит, тут весь Петербург и жандармы знают, кто такой Раскольников, — горько усмехнулся Родион. — И что ж угодно от каторжанина?

— Раскольников, я и сам с Сибири. Пять лет каторги там после отставки.

Раскольников удивлённо поднял брови.

— За что сослали?

— Кража. Ломбард жиды одного обчистили. Жиды того застрелили, да не совсем застрелили. Словили нас на сбыте краденного, а на допросе у полицмейстера Исаак этот указал на нас. А ты же ту процентщицу и сестру её?

— Да, — глухо ответил Раскольников, чувствуя, как внутри всё сжимается от боли и стыда. — В чём и раскаиваюсь. И за это преступление не только каторгой наказан был. За это преступление Преисподняя светит.

Фёдоров молча смотрел на него, в его глазах не было ни осуждения, ни жалости, лишь какое-то странное понимание. В тишине пивной, среди чужих людей, два человека, отмеченных каторгой, нашли друг в друге нечто общее, что связывало их крепче любых слов.

— Преисподняя... — повторил Фёдоров, словно пробуя слово на вкус. — Знаем мы эту Преисподнюю. Она не только за грехи светит, она и за жизнь, что сломана, за надежды, что растоптаны, тоже может прийти. Я вот тоже думал, что справедливость восстановил, когда тот ломбард грабил. Думал, что отберу у того ростовщика, который сам у других отбирал. А вышло, что сам стал тем, кого презирал. И вот, пять лет в грязи, в холоде, с такими же, как я.

Он отпил из кружки.

— А ты, Раскольников, ты ведь не просто так старуху убил, верно? Не ради денег, не ради наживы. Ты ведь что-то доказывал, себе, миру?

Раскольников кивнул, не в силах произнести ни слова. Взгляд Фёдорова проникал в самую душу, словно видел все его терзания, все его безумные идеи, которые когда-то казались ему такими ясными и неоспоримыми.

— Я тоже думал, что я особенный, — продолжил Фёдоров, — что мне позволено больше, чем другим. Что я выше закона. А закон, он как болото, затягивает всех, кто в него ступит. И неважно, кто ты — жандарм, преступник, или тот, кто себя таковым считает.

Он помолчал, глядя на Раскольникова.

— Знаешь, Раскольников, я вот что понял там, на каторге. Неважно, кто ты был до этого. Важно, кем ты становишься после. И если ты раскаиваешься, если тебе тяжело, если ты хочешь искупить... то это уже что-то. Это уже не Преисподняя, а дорога. Тяжёлая, но дорога.

Фёдоров поднялся.

— Я тебе не судья, Раскольников. И не прокурор. Я просто человек, который тоже прошёл через ад. Если тебе нужна помощь, если хочешь поговорить... вот мой адрес.

Он написал что-то на салфетке и протянул Раскольникову.

— Не теряй себя, Раскольников. Даже когда кажется, что всё потеряно.

Фёдоров вышел, оставив Раскольникова одного в полумраке пивной. В руке он сжимал салфетку с адресом, а в душе зарождалось что-то новое, что-то, чего он не чувствовал уже много лет — проблеск надежды. Возможно, Петербург и не был таким уж серым и дождливым. Возможно, даже в его самых мрачных закоулках можно было найти свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.